

Философские категории в правовой науке и правовые категории: проблемы теории и методологии

Куликов Егор Алексеевич

кандидат юридических наук

доцент, Алтайский государственный университет

656010, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Смирнова, 46

Kulikov Egor Alekseevich

PhD in Law

senior lecturer, Chair of Theory and History of State and Law, Altai State University

656010, Russia, Altai krai, g. Barnaul, ul. Smimova, 46, kv. 151

✉ kulikoveg@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)

Аннотация. Предметом исследования, проводимого в настоящей статье, выступают закономерности проявления философских категорий в правовой сфере общественной жизни, подходы к пониманию категорий в философии, а также специфика трактовки категорий философии наукой о праве. Автор также рассматривает современные представления о систематике философских категорий, представленные в литературе. Во второй части статьи на основе выявленных подходов к категориям как философскому феномену, рассматриваются правовые категории: анализируются подходы к этим категориям, выявляется их значение в юриспруденции, а также исследуется систематика правовых категорий. Отдельно рассмотрено своеобразие юридических понятий. Предмет настоящего исследования тесно взаимосвязан с его методологией, где ключевым необходимо считать диалектический подход, выступающий основой при построении системы категорий. Кроме того, активно использованы как общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования, так и формально-юридический метод. В настоящей статье предпринята попытка актуализации проблематики правовых категорий и правовых понятий, а также вопросов проявления философских категорий в праве. Автор продолжает тематику, начатую в кандидатской диссертации, переходя на более высокий уровень абстракции от рассмотрения проявлений одной категории (мера) в праве к общим принципам проявления философских категорий в правовой сфере общественной жизни. Кроме того, основываясь на немногих научных работах в этой сфере, затронута специфика правовых категорий, а также своеобразие юридических понятий.

Ключевые слова: категории, понятия, методология, принципы, диалектика, юридическая наука, закономерности, классификации, проявления, основания

DOI: 10.25136/2409-7136.2017.10.20393

Дата направления в редакцию: 27-09-2016

Дата рецензирования: 26-09-2016

Abstract. The research subject is the patterns of manifestation of philosophical categories

in the legal sphere of social life, the approaches to understanding philosophical categories and the specificity of interpretation of philosophical categories by legal science. The author considers the modern ideas about the system of philosophical categories presented in scientific works. In the second part of the article, based on the approaches to the categories as a philosophical phenomenon, the author considers legal categories. The author analyzes the approaches to these categories, studies their role in jurisprudence and the system of legal categories. Special attention is given to the diversity of legal notions. The research subject is closely connected with the methodology. The key methodological approach is the dialectical approach, which is the basis for the system of categories. The author also uses general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, abstraction, and the formal-legal method. The author attempts to actualize the problematics of legal categories and legal notions, and manifestation of philosophical categories in law. This work is the continuation of the author's candidate thesis. Here the author uses the higher level of abstraction. He moves from consideration of manifestation of one category (measure) in legal science to general principles of manifestation of philosophical categories in the legal sphere of social life. Besides, based on few existing scientific works in this sphere, the author studies the specificity of legal categories and the diversity of legal notions.

Keywords: classification, patterns, legal science , dialectics, principles, methodology, concepts, categories, manifestations, basis

Философские категории в праве

Вопрос о разного рода категориях является одним из наиболее важных для методологии науки, в том числе юридической. Категории определяют исходные положения понятийного аппарата науки, выступают в качестве методологических стержней, на которые опирается наука в своих исследованиях. При этом существует несколько уровней категориального аппарата, среди которых наивысшее положение занимают философские категории, выступающие мировоззренческими константами, определяющими представления человечества обо всех аспектах бытия. Помимо этого, собственными категориями обладают группы наук – естественные, технические, гуманитарные, социальные и т.п. Наконец, каждая наука обладает собственным категориальным аппаратом. Такого рода многообразие создает дополнительные сложности для определения того, что именно выступает категориями в том или ином случае, и о каких именно категориях идет речь. Особо выделяются также категории диалектики, подробно разработанные в рамках советской философии и методологии науки. Значение такого рода конструкций для юридической науки заключается в том, что все категории, начиная от категорий философии, и заканчивая непосредственно категориями правовыми, выступают составной частью методологического основания данной науки, определяя её гносеологическое строение.

В рамках настоящего параграфа, на наш взгляд, необходимо дать характеристику философским категориям в целом, с опорой на достижения современной философии и философии науки, а также проследить своеобразие проявления этих категорий в предметном поле юриспруденции. В базовых работах по методологии права, в частности, в трудах В.М. Сырых, Д.А. Керимова, Н.Н. Тарасова, И.Л. Честнова и некоторых других, такого рода проблема поднималась, предлагались различные варианты её решения, наша задача – на основе анализа этих подходов выявить особенности проявления философских категорий в сфере правовой науки.

На сегодняшний день в отечественной философии существует ряд современных работ, посвященных учению о категориях, а также богатое наследие советского периода, работы, посвященные как категориям диалектики в целом, так и отдельным категориям диалектики. «Категории «не выводятся из природы и не соотносятся с ней как образцом». Напротив, природа соотносится с категориями в том смысле, что мы видим природу, мир вообще таким, каким позволяют нам его видеть категории, присущие нам априорно и с необходимостью»[\[1, с. 19\]](#). Согласно этому высказыванию А.Н. Книгина категории предстают едва ли не самым главным инструментом познания мира, и сам этот мир мы видим именно таким, каким можем увидеть через призму категорий.

«Категории – это универсальные объективные формы мышления и бытия»[\[1, с. 10\]](#), - такое определение предлагает А.Н. Книгин категориям. «Понятия, обозначающие категории, составляют существенную часть словаря философии. Без использования идей существования, объективного и субъективного, причины и цели, возможности и действительности и других понятий, обозначающих логико-онтологические категории, философский текст невыносим. Философская рефлексия категорий в некоторых случаях заметно меняет смысл понятий, обозначающих категории, в сравнении с их обыденным пониманием. При этом основной смысловой костяк остается неизменным, т.к. категории, будучи объективными формами мышления, суть данность, которую нельзя изменить произвольно, в том числе и через философскую рефлексию. Их можно лишь изучать и в этом изучении, возможно, уточнять смысл понятий, которые их обозначают»[\[1, с. 10\]](#).

Аналогичным образом рассуждает Г.Д. Левин, отвечая на вопрос: «Можно ли сегодня открыть новые философские категории?». Он, в частности, пишет: «Мир давно поделен между философскими категориями: и аналитическими, и синтетическими, и обобщающими. Обнаружить новое предельно общее понятие – значит обнаружить ещё никому не известную определенность, которая была бы присуща если не всем объектам универсума, то основной их части... Можно придумать новый термин для давно известного понятия и объявить это новой философской категорией. Иногда это удавалось. Но открыть новую философскую категорию в настоящее время так же невозможно, как и новый материк. Действительный прогресс в их исследовании сегодня достигается движением в их поистине неисчерпаемое содержание»[\[2, с. 10\]](#). Из этих рассуждений может следовать недвусмысленный вывод, что современный категориальный строй охватывает максимум возможных сторон бытия, что обусловлено и обуславливает крайне глубокое внутреннее содержание категорий, их универсальность. Категориям присущи и некоторые другие свойства, которые необходимо рассмотреть.

В качестве основных свойств категорий, которые выделяются в современной философии, А.Н. Книгин называет следующие:

1) как формы бытия и как формы мышления категории объективны; в онтологическом аспекте это означает, что понятия, обозначающие категории, называют или именуют не нами заданные или созданные, но нами познанные свойства бытия; в логическом аспекте объективность категорий означает, что категории нашего рассудочного мышления не зависят от нашего выбора; понятия, обозначающие категории, вырабатываются в языке, но сами категории существуют до всякого обозначения. Из объективности категорий вытекают два следствия: категории наиндивидуальны и наднациональны. Наиндивидуальность категорий означает, что основное логическое «устройство» мышления одно и то же у всех индивидов, общающихся на одном языке. Наднациональность означает, что мышление всех народов, говорящих на разных языках, имеющих различную грамматическую структуру, имеют одинаковую категориальную

структуру [\[1, с. 33-34\]](#).

2) универсальность категорий: категории, по мнению А.Н. Книгина, универсальны не в экстенциональном (объёмном) смысле, а в интенциональном, то есть в содержательном, смысле. «Можно сказать и так: категория рассекает универсум надвое. Из этого следует, что все категории имеют парный характер: в двух сопряженных понятиях выражается по существу одна категория» [\[1, с. 34\]](#).

3) в логико-гносеологическом смысле категории априорны: во-первых с диалектико-исторической точки зрения, в сформировавшемся сознании субъекта категории не извлекаются из опыта, а предшествуют ему и формируют его, но также они формируются в процессе общественно-исторической практики, деятельности, которая, повторяясь миллиарды раз, закрепились, по терминологии В.И. Ленина, в аксиомах логики. Отсюда вытекает, что категориальный строй отражает формы деятельности, но, сложившись, принимает участие (вместе с чувственным материалом) в формировании нашего образа мира (в тех чертах, которые являются общими для всех народов и всех индивидов), в этом заключается главная активная функция категорий. А.Н. Книгин приводит также и второе понимание априорности категорий, однако указывает на то, что оно имеет отношение к естественным наукам [\[1, с. 34-36\]](#), в связи с чем мы не будем его касаться. Кроме того, ученый рассматривает категории как особые формы мышления [\[1, с. 36-39\]](#).

В литературе предлагаются и другие варианты понимания категорий. Так, Н.Ф. Бучило в учебном курсе по истории и философии науки, начиная освещение проблемы философских категорий с общего понятия категории, предлагает вниманию следующее определение: «Категория (греч. *katēgoria* – определение, суждение) – предельно широкое понятие, в котором отражено существенное, типическое содержание явлений бытия и господствующих в нем отношений» [\[3, с. 84\]](#). «Как понятия категории являются необходимыми формами мышления. Как предельно широкие понятия категории претендуют на универсальное применение и описание мироздания в целом» [\[3, с. 84\]](#). Наконец, философские категории, по мнению Н.Ф. Бучило, – это предельно широкие понятия, в которых мыслятся всеобщие, существенные стороны, свойства, связи и отношения бытия [\[3, с. 85\]](#). Все указанные авторы, таким образом, определяют категории как предельно общие понятия, охватывающие своим неисчерпаемым объёмом и содержанием все стороны мыслимого человеком мироздания. Последнее уточнение необходимо сделать потому, что категории есть формы мышления, и вне мышления не существуют, хотя те стороны мироздания, которые они обозначают, конечно же имеют место быть и за пределами сознания человека. Рассмотрим теперь, какие именно категории выделяются современной философией.

Г.Д. Левин речь ведет о трех типах философских категорий: 1) понятия, объёмы которых представляют собой высшие роды сущего; 2) категории, предельные по содержанию; 3) субстратные философские категории [\[2, с. 6-8\]](#). Первые категории выступают предельными продуктами синтеза, вторые – предельные продукты анализа, третьи – предельные продукты обобщения. Завершая рассмотрение общей характеристики категорий, Г.Д. Левин резюмирует: философские категории – это предельные или универсальные понятия [\[2, с. 13\]](#). Как и А.Н. Книгин, Г.Д. Левин говорит об объективности категорий: «философские категории являются таким же продуктом познания объективной действительности, как и все другие наши знания, включая данные органов чувств. Они действительно упорядочивают опыт, но не просто так, а приводя его в более полное соответствие с порядком в объективном мире» [\[2, с. 14\]](#). Содержание философских

категорий, по мнению Г.Д. Левина, можно раскрывать двумя способами: онтологическим и гносеологическим, при этом в первом случае описывается то, что категории отражают, во втором – та информация, которая в них содержится. Ещё одно свойство категорий он раскрывает, когда сопоставляет философские категории с философскими законами: категории ничего не утверждают и ничего не отрицают, поэтому они не истинны и не ложны [2, с. 15].

Обобщая сказанное философские категории можно охарактеризовать как предельно общие понятия, охватывающие своим содержанием всё известное человеку бытие мироздания, обладающие свойствами универсальности, объективности и априорности, и, в зависимости от логической операции, выступающие предельными продуктами анализа, синтеза и обобщения. А.Н. Книгин на основе прагматического критерия рассматривает тот круг категорий, который, по его мнению, вошел в общий и неустранимый обиход философии, составляет часть её наиболее общего языка: объективное – субъективное, вещь – свойство, вещь – событие, существование – не-существование, материя – форма, причина – цель, возможность – действительность, часть – целое, внутреннее – внешнее, простое – сложное, необходимость – случайность [1, с. 49]. Г.Д. Левин дает характеристику философским категориям в современном дискурсе с учетом той типологии, которая им предлагается в зависимости от мыслительной операции, результатом которой та или иная категория выступает: категории – предельные продукты синтеза: универсум, бытие и ничто, единое и многое, реальность; категории – предельные продукты анализа: материя и форма; категории – предельные продукты обобщения: объект, предмет, признак, качество и количество, свойство и отношение, тождество и сходство, противоположность и противоречие, абсолютное и относительное, связь, связь состояний, причинная связь, единичное и общее, необходимость, случайность, свобода, действительность и возможность, сущность и явление [2, с. 65].

Н.Ф. Бучило дает несколько более адаптированную применительно к юридической науке картину категорий. В качестве основных философских категорий он называет следующие: вещь, связь, отношение, движение, взаимодействие, противоположность и противоречие, единичное, особенное, всеобщее, часть и целое, система, структура, элемент, содержание и форма, сущность и явление, качество, количество, мера, причина и следствие, случайность и необходимость, возможность и действительность [3, с. 95-121]. Возможно, этот категориальный строй и не вполне согласуется с другими рассмотренными позициями, однако он более понятен для специалиста, занимающегося юридической наукой, поскольку большинство из них выступают основаниями для целых разделов как теории права, так и отраслевых юридических теорий.

Итак, акцентируем внимание ещё раз: философские категории представляют собой предельно общие понятия (формы мышления), охватывающие своим объемом и содержанием все стороны мыслимого человеком мироздания. Необходимо осмыслить, как такого рода феномены проявляют себя в рамках предметно-объектного поля юридической науки. А.М. Васильев в своё время писал, что «в правоведении философские категории определяют общий путь исследования, способ мысленного обобщения того круга общественных процессов и явлений, которые составляют предмет теории государства и права» [4, с. 22]. Среди современных представителей теории и философии права наиболее очевидно (на первый взгляд) место и роль философских категорий в праве анализирует Д.А. Керимов. В одной из недавних его работ «Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права» (6-е изд., 2011 год) «основным познавательным категориям философии права» он посвящает целый

раздел, где рассматривает такие пары, как отражение и опережающее отражение, историческое и логическое, конкретное и абстрактное, явление и сущность, содержание и форма, структура и элементы, отдельное и общее, целое и часть, анализ и синтез, системность, систематизация, комплексность, действительность и возможность, цель, средство, прогноз [5, с. 92]. Однако, он не дает ни какого предварительного указание на то, как именно эти философские конструкции будут себя вести в правовом поле. Ввиду его исходная позиция по вопросу о роли философских категорий в праве может быть выявлена только на основе высказываний ученого по поводу соотношения общенаучной методологии и методологии права путём восхождения от абстрактного к конкретному.

«Методология права, - отмечает Д.А. Керимов, - не имеет каких-либо принципиальных отличий от всеобщей научной методологии, но, составляя её разновидность, обладает своей спецификой, которая определяется особенностями объекта, функцией и целью познания» [5, с. 95-96.]. Исходя из этого, а также рассуждений ученого о всеобщей методологии в целом, можно заключить, что философские категории как один из инструментов всеобщей методологии познания, не приобретают принципиальных отличий, оказываясь в правовом поле, а обладают лишь некоторой спецификой своего необъятного объёма и содержания исходя из особенностей объекта, предмета, целей и задач юридических исследований. Другими словами, предельные всеобщие универсальные понятия – философские категории – частью своего объёма и содержания проявляются в предметном поле правовой науки. Природа права, правовых явлений и процессов определяет ту часть объёма той или иной философской категории, или тот или иной сегмент её содержания, который приобретает определяющее значение в данном конкретном научном юридическом вопросе. Однако на саму категорию, на само её содержание, этот момент ни какого влияния не оказывает: свойства категории как таковой остаются неизменными.

В.М. Сырых, будучи убежденным оппонентом Д.А. Керимова (да и не только его), тем не менее, на страницах своей работы «Логические основания общей теории права. Том 1: Элементный состав», высказывает сходную точку зрения. Приведем для иллюстрирования высказанного тезиса одну цитату: «Последовательно воплощая философские воззрения в познание правовых явлений, юрист получает возможность правильно определить исходные теоретические и методологические посылки исследования, сформулировать гипотезы и сконцентрировать внимание на их научном, теоретико-правовом обосновании. При этом диалектический материализм ориентирует познающего субъекта на поиск и открытие объективных знаний, а не мыслей, оценок и мнений, иных форм выражения субъективного знания об объективном. Нельзя забывать, что только философия исследует соотношение субъекта и объекта в познании и, следовательно, без учета её положений нельзя правильно определить пути и способы постижения исследуемой проблемы» [6, с. 208]. Таким образом, и В.М. Сырых не поддерживает точку зрения о том, что философские категории в предметном поле правовой науки должны как-то трансформироваться, преломляться, а указывает лишь на необходимость при исследовании юридических вопросов учета положений философии, которая занимается разработкой категорий.

Н.Н. Тарасов не рассматривает непосредственно проблему философских категорий в праве. Однако в его работе можно найти рассуждения по поводу философских оснований юридических исследований, которые можно применить и к исследуемому нами вопросу. Он, в частности, предвзя параграф о юридических понятиях, отмечает, что правоведение, как и любая наука, функционирует в рамках некоторой философской «картины мира» как претендующей на истинность системы представлений о его

устройстве, также в процессе исторического развития возникают определенные философские традиции, находящиеся в достаточно сложных отношениях и оказывающие влияние на все сферы жизни общества; однако в каждый конкретный период истории одна из таких философских традиций приобретает большее, иногда – господствующее влияние на общественное сознание, что делает приоритетными соответствующие представления о мире: в системе таких исходных представлений существует и наука [\[7, с. 156\]](#). Философские же категории, как мы выше убедились, оформляют эту картину мира, охватывая своим объемом и содержанием все стороны мыслимого человеком мироздания, т.е. посредством философских категорий строится эта самая картина мира, в которой определенное место занимает наука и научные представления, в том числе о праве и правовых феноменах.

Из всего сказанного вытекает вполне очевидный вывод: философские категории в предметном поле юриспруденции остаются философскими категориями – предельно общими универсалиями. Юриспруденция является одной из граней мироздания, в предметном поле которой содержатся лишь некоторые части объема и содержания категорий философии. Следовательно, ни какого особого смысла категории не приобретают, а в правовой сфере присутствуют лишь их отдельные сегменты, выступающие составляющими объекта и предмета юридической науки. Исследование же проявлений философских категорий в праве должно исходить из их философского смысла, этим смыслом определяться и на этом смысле основываться. При этом, нельзя игнорировать философские законы и философское содержание категорий, поскольку использование таких категорий в предметном поле правовой науки есть всего лишь частный случай, который должен соответствовать общим принципам, в противном случае перед нами уже искажение смысла категории, к содержанию её не имеющее ни какого значения.

Своеобразие правовых категорий

Как указывали римские юристы (Дигесты Юстиниана, книга 50, ст. 202), «в гражданском праве всякое определение опасно, ведь недостаточно того, чтобы оно не могло быть опровергнуто». Страх профессионалов казуистического правоприменения перед общими определениями объясним, ведь стиль юридического мышления, а следовательно, и методологии познания правовых явлений римских юристов принципиально отличался от стиля континентальной правовой системы, он более близок, скорее, англосаксонскому стилю, т.е. является дедуктивным, а не индуктивным. При этом даже на уровне Дигест Юстиниана были сохранены все черты классического римского юридического метода разрешения отдельных казусов. Это, однако, не мешало стать римскому праву *ratio scripta* для, в первую очередь, средневекового, да и для современного европейского права в том числе. Однако, с формированием в Новое время науки как особой сферы человеческого познания, юриспруденция также стала проникаться научным духом позитивизма и рациональности как главного гносеологического средства, и на сегодняшний день континентальная юриспруденция (а также российская) уже немыслима как нечто ненаучное и не имеющее своего собственного понятийно-категориального аппарата.

Специфика любой науки выражается в особом стиле мышления и подходе к определению, анализу и оценке понятий и явлений. В силу этого, наряду с философскими категориями в рамках любой науки, в т.ч. юридической, принято выделять частнонаучные категории (в нашем случае – правовые категории), которые используются в отдельных областях научного знания, выступают как результат обобщения знаний о

локальной и специфичной области познания.^[3, с. 85] «Именно в правовых категориях зафиксирован общий итог научного познания объективной сущности как общественного явления»^[4, с. 90], - пишет А.М. Васильев. А.А. Рудаков дает собственное определение научной категории на основе анализа философской специфики понимания категорий в целях разработки теории правовых категорий: «Научная категория – это развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи предметов, явлений и процессов объективного мира в виде содержательных образов, выполняющая логико-гносеологическую и методологическую функции в познании окружающей действительности»^[8, с. 20]. Из такого определения научной категории сложно ввести её отличительные черты от философской категории. Однако А.А. Рудаков формулирует пять существенных особенностей на основе указанного определения: 1) научная категория – это результат сознательной и волевой мыслительной деятельности человека; 2) категории отражают, описывают, формулируют существенные свойства и закономерности объективной среды; 3) научная категория не просто описывает свойства предметов и явлений, но и обобщает их; 4) научные категории предельны в рамках данной системы знаний; 5) научные категории фундаментальны, т.е. играют в процессе познания логико-гносеологическую и методологическую роль^[8, с. 20-21]. Признавая обоснованность и научную состоятельность точки зрения А.А. Рудакова, необходимо отметить, что с помощью выделяемых им свойств категорий их можно отграничить от обычных понятий науки, не являющихся категориями, однако для разграничения между научными категориями и философскими категориями они вряд ли могут служить.

Думается, что ключевым критерием разграничения между этими категориями будет выступать предметное поле, в котором они выступают формами мышления. Если философские категории выступают предельно общими универсальными понятиями, охватывающими своим объемом и содержанием все сферы мыслимого человеком мироздания, то научные категории (в нашем случае – частнонаучные категории) являются такого рода предельно общими универсальными понятиями применительно к предметному полю данной науки, и за пределами этого поля категориями не являются. При этом, в рамках частной науки категории должны пронизывать подавляющее большинство структурных компонентов её предметного поля, в противном случае они будут представлять собой понятия науки, не являющиеся категориями. Если экстраполировать ту типологию, которую предлагает Г.Д. Левин применительно к философским категориям (см. параграф 1.4), то в рамках любой частной науки категориями будут являться предельные продукты анализа, синтеза и обобщения.

Подчеркивая важность рассмотрения вопроса о правовых понятиях и правовых категориях именно в контексте истории и методологии юридической науки, сошлемся прежде всего на мысль, высказанную А.М. Васильевым – автором практически единственного на сегодняшний день научного трактата о правовых категориях в отечественной юриспруденции. Он пишет, в частности, что изучение правовых категорий и выяснение понятийной структуры теории права с позиций диалектической логики помогает совершенствовать инструментарий юридической науки а следовательно, увеличивают возможности успешного решения стоящих перед ней задач, в связи с чем проблема правовых категорий выступает не просто как науковедческая, а как методологическая проблема юриспруденции^[4, с. 8]. «Категориальный аппарат теории права выражает и подытоживает полученные знания о праве. Именно он придает качественную определенность правовому научно-теоретическому мышлению, фиксирует структуру фундаментальных знаний о праве и логику их развития, проявляющуюся в

системе основных юридических понятий – категорий» [4, с. 10]. А.А. Рудаков в новейшем исследовании, посвящённом парным юридическим категориям, развивает эти мысли: «В общем виде значение категориального метода в юриспруденции (построения системы юридических категорий) мы видим в следующем: использование категориального метода способствует объединению знаний о государстве и праве, расчлененных в специальных юридических науках, позволяет подняться над множеством мнений, подходов, теоретически воссоздать их общую картину и тем самым содействовать целостности познавательной деятельности во всех областях юридической науки» [8, с. 6]. Правовые категории, таким образом, структурируют научный материал юридической науки, выступают, своего рода конструктивными опорами юридического языка, правовые же понятия представляют собой лексический состав этого языка. Взаимосвязи же между правовыми понятиями и категориями, наряду с инструментарием юридико-технических приёмов и средств, можно трактовать как важнейшую составную часть «грамматики» языка права.

Перейдём к рассмотрению представлений о правовых категориях, которые сложились на сегодняшний день в работах по методологии юридической науки. Прежде всего необходимо согласиться с А.М. Васильевым в том, что каждая наука, постигая свой предмет в своеобразных понятиях, выступает как специфическая логика теории данного предмета, поэтому категориальный аппарат теории права не может рассматриваться в качестве модификации категорий философии, понятийный строй теории права есть теоретическое отражение диалектики правовой действительности и её проявлений [4, с. 43]. Ученый в этом утверждении подчеркивает две специфические особенности правовых категорий, выступающие, своего рода, предпосылками характеристики их сущности и их набора: во-первых, правовые категории носят в определенной степени самостоятельный характер по отношению к категориям диалектики и к философским категориям в принципе, в той степени, что они не дублируют и не повторяют эти категории, хотя по своему смыслу могут являться составными частями таких категорий; во-вторых, своеобразие правовых категорий определяется особенностями предмета правового регулирования и предмета юридической науки.

В качестве ещё одной особенности правовых категорий А.М. Васильев называет двойное отражение: «Если рассматривать правовые категории и понятийный аппарат теории права в той их части, в которой осмысливаются правовые установления, можно констатировать, что правовые категории по сравнению с нормами права отражают процессы реальной действительности как бы опосредствованно. Иными словами, здесь имеют место разные уровни отражения. В правовых нормах всегда в какой-то мере выражен опыт организации общественных отношений, осмыслены и отражены существующие социальные процессы. Поэтому о правовых категориях в определенном смысле можно говорить, что они удваивают отражение, являются отражением отражения» [4, с. 49-50]. С таким утверждением можно согласиться только в одном случае, а именно когда мы признаем, что содержание правовых категорий и правовых понятий определяется действующим позитивным правом, и зависит в первую очередь от этого права, а уже потом от социальной действительности. Однако, думается что содержание правовых категорий (и даже правовых понятий в большинстве своём) отражает специфику предмета правового регулирования, а уже затем вводится в правовые тексты или используется при их толковании. Ведь для того чтобы урегулировать общественные отношения *post factum*, или, тем более, на опережение, необходимо получить какое-то представление о предмете правового регулирования и оформить это представление в правовых терминах, связках между ними, которое уже затем может стать, а может и не

стать нормой права. А.А. Рудаков, например, отмечает, что представления, отражающие свойства юридических явлений, относительно субъективны, а следовательно, относительно субъективны и юридические категории, поскольку являют собой не саму систему реальных свойств предметов и явлений, существующих в окружающем нас мире, а проекцию этих свойств в сознании человека, их выявление и описание [\[8, с. 30\]](#). Такой подход нам представляется более адекватным, нежели представление о правовых категориях как о двойном отражении.

Что характерно, А.М. Васильев далее пишет как раз о том, что в теории права понятия выступают как логическая форма постижения сущности правовых явлений, как отражение закономерного и особенного в правовой действительности, они не априорны а адресованы кругу объективно существующих правовых явлений, представляют собой результат синтеза правовых предписаний, квинтэссенцию юридических знаний [\[4, с. 56\]](#). Такого рода объяснение правовых понятий и категорий в большей степени соответствует тому общему представлению о категориях, которое было нами рассмотрено ранее.

А.А. Рудаков высказывает свои определенные возражения по поводу трактовки правовых категорий как «отражения отражения», необходимо привести их в качестве дополнительной аргументации против такого рода трактовки. «Во-первых, нормативно-регулятивные средства права сами представляют собой проявление действительности, поскольку, отделяясь от человека, существуют относительно объективно. Во-вторых, они фиксируют определенный опыт, практику определенных общественных отношений. В-третьих, преследуют практические цели – регулирование общественных отношений, установление правопорядка. В-четвертых, знания, помещенные в праве, ограничены моментом издания юридического источника, т.е. перестают развиваться. И, наконец, в-пятых, государственно-правовая действительность не исчерпывается правовыми нормами, принципами, целями и т.д.» [\[8, с. 37\]](#). Думается, что здесь не хватает главного, о чём мы говорили: сам массив правовых текстов, правоотношений и правосознания выражается в правовых понятиях и правовых категориях, которые описывают правовую действительность и позволяют формулировать общеобязательные правила поведения нормативного и индивидуального характера.

Интерес в рамках настоящего исследования представляет то общее определение правовых научных понятий, которое предлагается А.М. Васильевым: «Правовые научные понятия – это содержательные, предметные образы, которые воспроизводят в мышлении (идеально) объективную суть реальных процессов правовой действительности и отношений, существующих в ней, и выражают специфически правовую качественную определенность данных явлений и процессов» [\[4, с. 56\]](#). От ответа на вопрос о том, что собой представляют собой правовые понятия, А.М. Васильев переходит к рассмотрению правовых категорий. «В логическом аппарате любой науки главную теоретическую нагрузку несут её основные, фундаментальные понятия-категории. Их строй определяет систему знаний в данной области науки... Правовые категории – это предельные по уровню обобщения фундаментальные абстрактные понятия теории правоведения» [\[4, с. 56-57\]](#). Получается, что ключевым отличием правовых категорий от всей массы правовых понятий, по мнению А.М. Васильева, выступает то, что это всего лишь предельно общие фундаментальные абстрактные понятия. Выработку таких категорий ученый относит к специфической задаче теории права.

А.А. Рудаков предлагает свою трактовку юридических категорий и выделяет перечень их особенностей. «Юридическая категория – это развитая форма абстрактного мышления

человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов, используемых юридической наукой в качестве своего метода»^[8, с. 42]. В качестве особенностей именно юридических категорий ученый предлагает выделять следующие:

- 1) особый объект отражения: юридическая категория описывает свойства и связи явлений и процессов государственно-правовой организации общества; юридические категории отражают качественную определенность явлений и процессов государственно-правовой организации общества, которая, как преимущественный объект отражения, служит критерием разграничения юридических и иных научных категорий;
- 2) использование в рамках юридического знания: юридические категории выполняют методологическую функцию в познании окружающей нас действительности, являются методом юридической науки, целостной теорией отражаемого объекта государственно-правовой организации общества;
- 3) возможность иметь правовую форму: юридические категории позволяют оценить определенные общественные процессы с точки зрения правовой формы, в которой они протекают и проявляются; формальность – это существенное свойство права, а связь с правом (связанность правом) – существенная черта государства^[8, с. 42-43].

Получается, что по мнению А.А. Рудакова юридические категории определяются спецификой предмета юридической науки, выступают в качестве составной части метода юридической науки, а также имеют особую правовую форму – обладают формальной определенностью. Кроме того, нельзя отбрасывать и тезис А.М. Васильева о том, что правовые категории – это предельно общие фундаментальные абстрактные понятия. Таким образом, синтезируя выше рассмотренные трактовки искомого родового понятия, *правовые категории можно определить как предельно общие абстрактные фундаментальные понятия юридической науки, содержание которых определяется своеобразием предмета юриспруденции, при этом они выступают составной частью метода юриспруденции и обладают формальной определенностью.*

Необходимо хотя бы схематично представить себе основные составляющие системы юридических категорий. Прежде всего обратимся к фундаментальному трактату о правовых категориях периода советской юридической науки. А.М. Васильев в качестве основной категории в системе юридических категорий выделяет «государственную волю господствующего класса». Остальные категории он группирует в «структурные понятийные ряды», называя в качестве опорных рядов норму права, систему права, формы (источники) права, социалистическую законность, осуществление права, правоотношение, правопорядок, а также ряды категорий правового генезиса, исторических типов права, функциональный ряд категорий механизма правового регулирования, принципов права, а также ведёт речь о парных правовых категориях, называя среди таких норму права и правоотношение^[4]. В свете той эпохи такого рода подход к главной юридической категории вполне объясним. Однако на сегодняшний день выводить правовые категории из воли господствующего класса весьма проблематично, поскольку право само по себе автономно, и может не определяться в полном объёме и напрямую волей господствующего класса, ведь господствующий класс может навязывать, продвигать свою волю, используя иные, более динамические способы, а право, идущее в ряду с другими социальными регуляторами, далеко не самое удобное для этого средство. «Категория «государственная воля господствующего

класса» действительно не может использоваться в качестве универсальной основы построения системы категорий юриспруденции, особенно для характеристики её структурных связей, поскольку недостаточно полно обобщает все структурные элементы государственно-правовой действительности»[\[8, с. 62\]](#), - отмечает по поводу позиции А.М. Васильева А.А. Рудаков. Один из аспектов сущности права действительно вряд ли способен выступить центральной категорией юриспруденции, тогда необходимо было бы выделять свободу, справедливость, ответственность, законный интерес, общую волю и т.п., мерой которых является право в обществе. Думается, что центральная категория правовой науки, если таковая в масштабах всеобщей юриспруденции вообще может быть, должна быть предельно универсальной, удовлетворяющей разнообразным «проискам» типов правопонимания.

Современному состоянию юридической науки и практики в большей степени адекватен подход, предлагаемый А.А. Рудаковым. Он указывает ещё и на то, что «в качестве критериев построения системы юридических категорий должны рассматриваться сами устойчивые, объективные, повторяющиеся связи (законы) как между явлениями объективно существующей государственно-правовой действительности, так и между категориями, отражающими эту действительность»[\[8, с. 56\]](#). И далее ученый предлагает своё собственное видение центральной юридической категории, а также оснований её выделения и построения всей категориальной системы. Представляется необходимым привести объёмную цитату из работы А.А. Рудакова для более точного понимания этого подхода. «Полагаем, что избежать «мировоззренческих» кренов в выборе исходной системообразующей юридической категории позволит подход, в рамках которого должна быть выбрана научная категория, максимально полно и обобщённо фиксирующая бытие не только права, но и государства, их связи и взаимные переходы. Такая юридическая категория должна включать в свой объём объёмы иных категорий и понятий, раскрывающих её содержание. Более предпочтительно, на наш взгляд, использовать в качестве фундаментальной и обобщающей категорию «государственно-правовая организация общества» или «государственно-правовая система». Эти категории максимальны для государства и права, отражают их бытие. В то же время они фиксируют внутренние и внешние связи и взаимодействия государства, права и иных явлений окружающей нас действительности»[\[8, с. 62-63\]](#). В целом соглашаясь с таким подходом, хотелось бы отметить, что специфика предмета юридической науки вполне допускает использование понятия «правовая система общества», поскольку, по точному выражению В.С. Нерсесянца, «предмет юридической науки – это сущностные свойства права и государства в их понятийно-правовом постижении и выражении; это понятие права, включающее в себя соответствующее правовое понятие государства и выражающее сущностные свойства права и государства»[\[9, с. 9\]](#). Понятие правовой системы, таким образом, сможет выступить полноценной центральной категорией юридической науки, определяющей её категориальную систему. Необходимо согласиться с В.В. Сорокиным, который под правовой системой понимает «целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация права, правосознание), складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия и характеризующий их юридическое воздействие на общественную жизнь»[\[10, с. 186\]](#).

Механизм (алгоритм) развертывания системы юридических категорий, т.е. выявления связей между ними, по мнению А.А. Рудакова, выглядит следующим образом: за исходной категорией следуют основные правовые категории, которые в той или иной степени подходят к любому государству и праву, ко всем этапам их развития, далее располагаются связанные с основными категориями те категории, которые раскрывают

их структуру, функции, форму, генезис и т.д., и наконец, отражаются и менее общие подсистемы правовых понятий^[8, с. 63]. Здесь демонстрируется дедуктивный подход – от общего к частному, но почему же невозможно обратное? Думается, что есть все основания применить тот подход, который Г.Д. Левин демонстрирует по отношению к философским категориям.

Суть этого подхода, как указывалось ранее, состоит в делении всех категорий на три типа: предельные продукты анализа, предельные продукты синтеза и предельные продукты обобщения^[2, с. 6-10]. При этом нельзя не учитывать и концепцию категорий А.Н. Книгина, в соответствии с которой любая категория имеет свою пару, своего «оппонента», и при этом эта пара делит всю реальность (в данном случае – правовую реальность) на две непересекающиеся половины^[1]. Кроме того, синтез данных подходов к типологии правовых категорий вполне сочетается с тем общим понятием правовой категории, которое было дано нами несколько ранее.

Итак, если в качестве самой центральной правовой категории рассматривать **правовую систему** – целостный комплекс правовых явлений и процессов, взаимосвязанных и взаимообусловленных, отражающих юридическое воздействие на общественные отношения, и позиционировать её в качестве предельного продукта синтеза, то оппонировать ей будет категория, которая обозначает ту реальность, на которую направлено это воздействие, т.е. **предмет правового регулирования**. Если говорить о категориях – предельных продуктах анализа, то в качестве пары этого уровня необходимо считать, например, норму права и юридический факт, субъективное юридическое право и субъективную юридическую обязанность, запрет и его соблюдение как форму реализации, и т.п. В качестве предельных продуктов обобщения могут быть рассмотрены форма права, система права, правосознание, правоотношение, юридическая ответственность и т.п. Безусловно, данную систематику юридических категорий можно считать примерной, рабочей, своего рода наброском, эскизом в рамках рассмотрения общих вопросов методологии юридической науки, и она нуждается в дальнейшей разработке. Думается, что для целей настоящей работы такого обзора проблематики правовых категорий будет вполне достаточно.

Правовые понятия: специфические черты

После рассмотрения характеристики категорий правовой науки можно перейти к общему анализу своеобразия юридических понятий. В литературе по формальной логике, курс которой когда-то выступал неотъемлемой частью высшего юридического образования России, говорится, что «понятия – это форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках»^[11, с. 30]. В качестве показателей, характеризующих понятие, называют его объём и содержание: «Содержанием понятия называется совокупность существенных признаков предмета, которая мыслится в данном понятии. Множество предметов, которое мыслится в понятии, называется объёмом понятия»^[11, с. 34]. Таким образом, любое понятие есть форма мышления, охватывающая признаки мыслимого понятием предмета, а также некоторую совокупность самих предметов, подразумеваемых этим понятием. Категории, как мы видели выше, также выступают формами мышления – предельно общими понятиями.

Н.Н. Тарасов, характеризуя взаимосвязь юридических понятий и предмета правоведения, выделяет несколько групп правовых понятий. «Отличительной особенностью понятий правовых теорий является их возникновение не в процессе знакового оформления рефлексии над юридической практикой и репрезентации

правовой реальности в предмете юридической науки, а при осуществлении теоретической организации самого научного предмета в рамках той или иной научной парадигмы»^[7, с. 161]. Таким образом, первой группой выступают понятия юридической теории, которые являются производными от предшествующего познания правовой действительности обобщающими конструкциями. Далее он отмечает, что в понятийном строе правоведения можно выделить понятия, генетически возникающие в других областях знания, но в связи с практическими целями или исследовательскими задачами «втянутые» в сферу права, правоведения, получившие собственно юридическое содержание и приобретшие статус правовых в силу их укоренения в понятийном строе юридической науки; возникая и существуя в собственных областях, они содержательно адаптируются к характеристикам юридической науки и особенностям юридической практики, приобретают отличный от своего прототипа объём, включаются в систему юридических понятий, т.е. участвуют в формировании предмета науки^[7, с. 165]. Указанную группу нельзя считать собственно юридическими понятиями, они лишь приобретают особый юридический сегмент содержания, оставаясь, при этом, генетически связанными с тем научным полем, которое вызвало их к жизни.

Наконец, третья группа, по мнению Н.Н. Тарасова, - «понятия других наук и областей знания, вовлекаемые в «понятийный оборот» юриспруденции для получения представлений о явлениях, имеющих или практическое юридическое значение, или обеспечивающие смысловые переходы юридического исследования в иные науки и области знания»^[7, с. 166]. При этом необходимо добавить, что такого рода заимствованные понятия не могут в предметном поле правовой науки использоваться произвольно, а обязательно должно учитываться их исходное значение, иначе перед нами уже будет качественно иное понятие.

Р.В. Насыров выделяет следующие *особенности юридических понятий*:

- *юридические понятия носят условный характер*: юрист исходит из того, что право носит официальный характер, и для признания того или иного явления юридическим оно должно не только обладать соответствующими объективными признаками, но и быть названо юридическим в соответствующих официальных текстах (например, в результате развития общественной жизни могут возникнуть общественно опасные деяния, но они становятся юридическими правонарушениями только после соответствующего внесения изменений в законодательство); кроме того, активно применяемым и важным с точки зрения правового регулирования выступает прием использования юридических фикций в законодательстве, где фикция – признание в качестве существующего факта, который отсутствует в объективной действительности (пример своеобразия юридического мышления);

- *юридические категории носят формальный характер*. Для признания того или иного явления юридическим необходимо, чтобы оно было таковым не только по содержанию, но и по форме. Итак, для достижения юридически значимых последствий необходимо строгое соблюдение процедуры и формы. Достижение определенных правовых последствий предполагает совершение определенных формальных, процедурных действий. Если процедура была нарушена, последствия не наступают. Поэтому алгоритм мышления юриста таков: в начале явления анализируются по форме, а уже потом – по содержанию. Во всяком случае для юриста форма так же важна, как и содержание.

- *юридические понятия, как правило, носят реляционный характер*, т.е. имеют то или иное содержание в зависимости от конкретной ситуации;

- юридический стиль мышления характеризуется *конкретностью*; забвение прикладного характера юриспруденции и перенесение акцентов на исследование типичных закономерностей, разработку и предложение изменений в правовой текст и юридическую практику, приводит к тому, что качество и эффективность законов определяются лишь тем, какие идеи и теоретические конструкции воплощены в этом законе, а не от конкретного результата и эффективности правового регулирования (приведенное соображение наилучшим образом характеризует фраза: законы, которые не реализуются в социальной практике, называются саженцами, прививаемыми на бесплодную почву);

- юридические понятия и сам процесс правового регулирования характеризуются *нормативностью*, т.е. если регулируются типичные, повторяющиеся общественные отношения, то они должны регулироваться однообразно. Регулируя конкретное общественное отношение нормативно, воздействию подвергается вся сфера общественной жизни [\[12, с. 135\]](#).

Представляется необходимым согласиться с таким подходом. Следует только добавить, что есть определенная разница между юридическими понятиями как таковыми и дефинитивными нормами права, т.е. нормами, которые закрепляют законодательное (нормативно-правовое) содержание того или иного понятия. Юридические понятия как таковые в первую очередь должны отвечать научным требованиям, т.е. определяться с научной точки зрения точно и аргументировано. Что же касается законодательных дефиниций, то именно они характеризуются большей частью тех свойств, которые придает правовым понятиям Р.В. Насыров, хотя с точки зрения научности далеко не всегда можно говорить о их состоятельности. Но главная задача юридических понятий – адекватно отражать предмет правового регулирования и в силу этого обеспечивать эффективность правовой системы.

Понятийно-категориальный аппарат юриспруденции, в совокупности с философскими категориями, составляет основу метода юридической науки, это, своего рода, словарный (лексический) состав языка, на котором право «говорит» с общественными отношениями, придавая им именно тот вид, который необходим для нормального развития человека, общества и государства. Поэтому полноценное юридическое (как научное, так и прикладное) познание возможно только при усвоении юридических понятий и категорий, а также при адекватном представлении о проявлении философских категорий в праве. Именно это обуславливает роль и значение философских категорий, правовых категорий и правовых понятий в методологии юридической науки.

Библиография

1. Книгин А.Н. Учение о категориях: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с.
2. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.
3. Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. 432 с.
4. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
5. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 6-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2011. 521 с.
6. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. –

- 2-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. 528 с.
7. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гум. Инст-та, 2001. 264 с.
 8. Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: монография. – М.: Проспект, 2016. 232 с.
 9. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008. 832 с.
 10. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. 512 с.
 11. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. 256 с.
 12. Насыров Р.В. Человек как самоценность: к вопросу о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций.-М.: Юрлитинформ, 2011. 312 с.
 13. Л.В. Максимов Что такое мораль: проблема определения // Философия и культура. - 2012. - 10. - С. 115 - 126.
 14. Куликов Е.А. Категория меры в правовой науке: вопросы теории и методологии исследования // Юридические исследования. - 2014. - 10. - С. 89 - 99. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.10.13349. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_13349.html
 15. Бекишиева С.Р. Категория «правовой мир»: постановка проблемы // Право и политика. - 2016. - 9. - С. 1111 - 1116. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.9.16439.
 16. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность как категория юридической науки // Право и политика. - 2016. - 7. - С. 934 - 940. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.7.13314.
 17. Грязнова Е.В. Методы познания и категории философии науки // Современное образование. - 2014. - 3. - С. 49 - 68. DOI: 10.7256/2409-8736.2014.3.12960. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_12960.html
 18. Середа Г.Б. Принцип экономической обоснованности налога // Налоги и налогообложение. - 2013. - 7. - С. 483 - 490. DOI: 10.7256/1812-8688.2013.7.9131.
 19. Цветков А.О. К вопросу о юридическом закреплении правового статуса иностранного военнопленного в Российском законодательстве (1829-1904) // Genesis: исторические исследования. - 2016. - 1. - С. 17 - 30. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16568. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_16568.html
 20. Наумов А.В. Теоретическое наследие А.Э.Жалинского в сфере уголовного права (Рецензия на книгу: А.Э.Жалинский. Избранные труды. Том 2. Уголовное право. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 2015) // Политика и Общество. - 2015. - 11. - С. 1565 - 1571. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.11.16288.
 21. Беляева Г.С., Беляев В.П. Классификация правовых режимов: подходы и основания // Право и политика. - 2015. - 7. - С. 1040 - 1048. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.10442.
 22. Карпов В.А. Основные тенденции развития идей правовой государственности в зарубежной науке и практике в XX-начале XXI вв. // Политика и Общество. - 2015. - 6. - С. 793 - 799. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.15489.
 23. Войниканис Е.А. Роль парадигмального подхода в реализации прогностической функции теории права // Политика и Общество. - 2014. - 11. - С. 1399 - 1403. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.11.13318.
 24. М.М. Акилова К вопросу о категориях части и целого и их диалектики // Философия

- и культура. - 2010. - 5. - С. 40 - 49.
25. Беляева Г.С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. - 2015. - 3. - С. 306 - 312. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14347.
26. Купреев С.С. Содержание государственного управления: от конфронтации к компромиссу // Право и политика. - 2013. - 6. - С. 753 - 758. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.6.6744.
27. С.В. Кодан Формирование источниковедения истории государства и права России (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Политика и Общество. - 2013. - 5. - С. 649 - 661. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.14.
28. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. - 2015. - 1. - С. 63 - 69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808.
29. Селунская Н.Б. Современный язык историка-профессионала (Рецензия на книгу: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с. (Образы истории; отв. ред. серии Л. П. Репина) // Исторический журнал: научные исследования. - 2015. - 2. - С. 244 - 246. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.2.16143.
30. Логвинова И.В. Правовые основания делегированных нормотворческих полномочий Правительства Российской Федерации // Право и политика. - 2015. - 8. - С. 1105 - 1111. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.8.16050.
31. Петюкова О.Н. Проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в науке административного права на современном этапе // Административное и муниципальное право. - 2015. - 8. - С. 762 - 768. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.8.16115.
32. Дубовик О.Л. Рецензия: Модели системы преступлений в современном уголовном праве (Сост. Йордан Айдаров) София: Университетское издательство «Паисий Хилендарский», 2013. – 168 с. // Право и политика. - 2014. - 8. - С. 1276 - 1281. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.8.12685.

References (transliterated)

1. Knigin A.N. Uchenie o kategoriyakh: Ucheb. posobie. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 292 s.
2. Levin G.D. Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse. M.: Logos, 2007. 224 s.
3. Buchilo N.F., Isaev I.A. Istoriya i filosofiya nauki: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2012. 432 s.
4. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava. M.: Yurid. lit., 1976. 264 s.
5. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava. – 6-e izd. – M.: Izd-vo SGU, 2011. 521 s.
6. Syrykh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava. T. 1. Elementnyi sostav. – 2-e izd., ster. – M.: ZAO Yustitsinform, 2004. 528 s.
7. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki. – Ekaterinburg: Izd-vo Gum. Inst-ta, 2001. 264 s.
8. Rudakov A.A. Parnye yuridicheskie kategorii: teoriya prav i obyazannostei: monografiya. – M.: Prospekt, 2016. 232 s.
9. Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva: uchebnyy dlya vuzov / pod obshch. red. V.S. Nersesyantsa. M.: Norma, 2008. 832 s.

10. Sorokin V.V. Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda: uchebnik. – Barnaul: OAO «Altayskii poligraficheskii kombinat», 2007. 512 s.
11. Kirillov V.I., Starchenko A.A. Logika: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. Izd. 5-e, pererab. i dop. – M.: Yurist", 2004. 256 s.
12. Nasyrov R.V. Chelovek kak samotsennost': k voprosu o formulirovke stat'i 2 Konstitutsii RF 1993 g.: kurs lektsii.-M.: Yurlitinform, 2011. 312 s.
13. L.V. Maksimov Chto takoe moral': problema opredeleniya // Filosofiya i kul'tura. - 2012. - 10. - С. 115 - 126.
14. Kulikov E.A. Kategoriya mery v pravovoi nauke: voprosy teorii i metodologii issledovaniya // Yuridicheskie issledovaniya. - 2014. - 10. - С. 89 - 99. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.10.13349. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_13349.html
15. Bekishieva S.R. Kategoriya «pravovoi mir»: postanovka problemy // Pravo i politika. - 2016. - 9. - С. 1111 - 1116. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.9.16439.
16. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaya real'nost' kak kategoriya yuridicheskoi nauki // Pravo i politika. - 2016. - 7. - С. 934 - 940. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.7.13314.
17. Gryaznova E.V. Metody poznaniya i kategorii filosofii nauki // Sovremennoe obrazovanie. - 2014. - 3. - С. 49 - 68. DOI: 10.7256/2409-8736.2014.3.12960. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_12960.html
18. Sereda G.B. Printsip ekonomicheskoi obosnovannosti naloga // Nalogi i nalogooblozhenie. - 2013. - 7. - С. 483 - 490. DOI: 10.7256/1812-8688.2013.7.9131.
19. Tsvetkov A.O. K voprosu o yuridicheskom zakreplenii pravovogo statusa inostrannogo voennoplennogo v Rossiiskom zakonodatel'stve (1829-1904) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. - 2016. - 1. - С. 17 - 30. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16568. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_16568.html
20. Naumov A.V. Teoreticheskoe nasledine A.E.Zhalinskogo v sfere ugolovnogo prava (Retsenziya na knigu: A.E.Zhalinskii. Izbrannye trudy. Tom 2. Ugolovnoe pravo. M., Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki. 2015) // Politika i Obshchestvo. - 2015. - 11. - С. 1565 - 1571. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.11.16288.
21. Belyaeva G.S., Belyaev V.P. Klassifikatsiya pravovykh rezhimov: podkhody i osnovaniya // Pravo i politika. - 2015. - 7. - С. 1040 - 1048. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.10442.
22. Karpov V.A. Osnovnye tendentsii razvitiya idei pravovoi gosudarstvennosti v zarubezhnoi nauke i praktike v KhKh-nachale XXI vv. // Politika i Obshchestvo. - 2015. - 6. - С. 793 - 799. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.15489.
23. Voinikanis E.A. Rol' paradigmalnogo podkhoda v realizatsii prognosticheskoi funktsii teorii prava // Politika i Obshchestvo. - 2014. - 11. - С. 1399 - 1403. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.11.13318.
24. M.M. Akilova K voprosu o kategoriya kh chasti i tselogo i ikh dialektiki // Filosofiya i kul'tura. - 2010. - 5. - С. 40 - 49.
25. Belyaeva G.S. K voprosu o sushchnosti i sisteme pravovykh sredstv // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. - 2015. - 3. - С. 306 - 312. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14347.
26. Kupreev S.S. Soderzhanie gosudarstvennogo upravleniya: ot konfrontatsii k kompromissu // Pravo i politika. - 2013. - 6. - С. 753 - 758. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.6.6744.

27. S.V. Kodan Formirovanie istochnikovedeniya istorii gosudarstva i prava Rossii (XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.) // Politika i Obshchestvo. - 2013. - 5. - С. 649 - 661. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.14.
28. Stoyukhina N.Yu., Kostrigin A.A. Otechestvennye psikhologi kontsa XIX - nachala XX vv. o snakh i snovideniyakh // Psikhologiya i Psikhotekhnika. - 2015. - 1. - С. 63 - 69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808.
29. Selunskaya N.B. Sovremenniy yazyk istorika-professionala (Retsenziya na knigu: Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' / Otv. red. A. O. Chubar'yan. M.: Akvilon, 2014. 576 s. (Obrazy istorii; otv. red. serii L. P. Repina) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. - 2015. - 2. - С. 244 - 246. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.2.16143.
30. Logvinova I.V. Pravovye osnovaniya delegirovannykh normotvorcheskikh polnomochii Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii // Pravo i politika. - 2015. - 8. - С. 1105 - 1111. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.8.16050.
31. Petyukova O.N. Problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v nauke administrativnogo prava na sovremennom etape // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. - 2015. - 8. - С. 762 - 768. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.8.16115.
32. Dubovik O.L. Retsenziya: Modeli sistemy prestuplenii v sovremennom ugolovnom prave (Sost. Iordan Aidarov) Sofiya: Universitetskoe izdatel'stvo «Paisii Khilendarskii», 2013. – 168 s. // Pravo i politika. - 2014. - 8. - С. 1276 - 1281. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.8.12685.